

Марк Герер

**ХРОНИКИ  
ФРУКТОВОЙ  
РЕВОЛЮЦИИ**



Марк Герер

**Хроники Фруктовой революции**

«Издательские решения»

**Герер М.**

Хроники Фруктовой революции / М. Герер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833957-8

Мы привыкли думать, что наш мир меняют новые технологии. Что нас разделяют политика и религия. Что войны всегда будут вспыхивать из-за нефти. Но горстка радикальных сыроедов считала иначе. Перед вами хроника их борьбы с традиционным обществом, ставка в которой — наши пищевые привычки. Они не остановятся ни перед чем, чтобы мы навсегда забыли вкус мяса.

ISBN 978-5-44-833957-8

© Герер М.  
© Издательские решения

# Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	15
6	18
7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# **Хроники Фруктовой революции**

## **Марк Герер**

© Марк Герер, 2016

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3957-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# 1

Теперь, когда мы живем в новом мире, кто-то должен рассказать правду. Пусть это буду я. Считайте это историей от человека, который был в самой гуще событий. Вы встретите на этих страницах много неожиданных деталей, которые никак не отражены в официальной хронике.

С Робом мы дружили с самого детства. Мы жили в одном подъезде, наши мамы дружили, поэтому у нас не было никакого другого выхода, кроме как стать друзьями. Лучшими друзьями. Единственными друзьями. Наши мамы одинаково смотрели на вопросы воспитания и никуда не отпускали нас одних. Под издевательский свист пацанов, которые отирались возле дома, мы выскакивали из подъезда и отправлялись на прогулку. Через несколько минут выходили наши мамы и на некотором расстоянии шли за нами.

Один случай врезался мне в память. Мне было лет семь. Мы с Робом гуляем по школьному двору. Вокруг нас нарезает круги на велике Сморчок, задиристый тощий пацан, живущий в соседнем доме. Он кружится вокруг нас, обзывает педиками и сосунками. Со стороны может показаться, что он рассказывает нам какую-то веселую историю. Так моя мама и думает. Она ласково на меня смотрит и улыбается. Ее мальчик смог кого-то заинтересовать.

«Отвали от нас», – через силу выдавливаю я из себя. Сморчок в ярости. Я посмел ему возразить. Дать какой-никакой отпор. По его мнению, я должен оставаться бессловесной скотиной. Он обгоняет нас. Разворачивается и объезжает со спины. Заходит на атаку, как фашистский истребитель. Я чувствую затылком, как он мчится прямо на нас. Мы не оглядываемся. Сморчок – пацан отморозенный, может и врезаться в нас на полном ходу. Но он придумал кое-что похуже. Это запомнится мне на всю жизнь.

Поравнявшись с нами, он оборачивается и плюет. Его смачный харчок попадает мне прямо в лоб. Я как ни в чем не бывало иду дальше. Плевков стекает мне в глаза. Роб не смотрит на меня, спрашивает, попал в меня Сморчок или нет. Я отвечаю, что нет. Иначе я бы его догнал и убил. Роб кивает. Слюна течет у меня по лицу, но я ее не вытираю. Если я вытру лицо, я признаю, что в меня плюнули, а я утерся и пошел дальше, ничего не сделал. Что я и есть педик и сосунок.

Роб идет рядом и взахлеб пересказывает «Хоббита», которого только прочитал. Как будто ничего не произошло. Так я и шел с плевком на лице, пока у Роба не развязался шнурок. Он наклонился его завязать, и я незаметно утерся.

Я ни разу не видел Сморчка без велика. Он был с ним неразлучен. Я мечтал, что его собьет машина, но этого не происходило. Однажды он стащил со стройки длинный канат и, как последний кретин, ездил по улице, привязав его к рулю. Он дразнил ребят помладше и легко отрывался от их погони, шалея от своей крутости. Так продолжалось раз за разом, круг за кругом.

«Дауны! Ушлепки! Вафлеры!» – Сморчок радостно ржал и изо всех сил накручивал педали. Канат волочился за ним по асфальту. Разогнавшись в очередной раз, он увидел нас с Робом. После прогулки мы возвращались домой. Наши мамы были далеко позади. На большой скорости он проехал мимо нас. Он почти скрылся за поворотом. Мы оба знали, Сморчок сейчас поедет назад и за те несколько секунд, пока будет разворачиваться, придумает очередной способ нас унижить. В последний момент Роб наступил на канат.

Руль резко вывернуло в сторону, и Сморчок перелетел через свой любимый велик. Он пропахал локтями, коленями и головой пару метров, прежде чем врезаться в стену панельного дома.

Все, кто оказался рядом, подбежали к Сморчку и обступили его со всех сторон. Он скулил и грозился позвать старшего брата. Из его тощих коленок шла кровь и проступала через

грязь бурыми потеками. Он плакал и тихонько причитал. Я посмотрел на Роба. Он пробирался вперед, чтобы получше рассмотреть Сморчка. Из раны на лбу у него тонкой струйкой стекала кровь прямо ему в глаза. Сморчок ожесточенно тер их, но от этого становилось только хуже. Выглядело так, будто он плачет кровавыми слезами. Жутко неприятное зрелище, особенно для таких домашних мальчиков, как мы с Робом. Я сам чуть не разревелся, глядя, как страдает этот жалкий червяк. И тут раздался тихий мелодичный смех. Как будто колокольчик зазвенел. Роб смотрел мне в глаза и смеялся. Все расступились вокруг нас, Роба прямо трясло всего от смеха. Даже Сморчок притих. Тут подросли наши мамы и увели домой подальше от этого ужаса. Роб продолжал смеяться все время, пока мама тащила его за руку домой. Он смеялся и смеялся на одной высокой ноте, и даже когда его затащили в подъезд, я слышал, как затихал его странный смех, похожий на вой.

Перед сном я пил обжигающее какао и смотрел «Тома и Джерри». Мама мне объяснила, что у Роба случился нервный срыв. Я ничего не понял. Знал только одно – это связано с тем плевком. Роб заметил его и знал о моем унижении. С того вечера меня тошнит от одного запаха какао.

На следующий год мы с Робом раздружились. Точнее, он нашел себе нового друга, еще большего задрота, чем я. С Максом они учились в одном классе. Ушастый низкорослый жиробас. Они сидели безвылазно у Роба дома и рубились в видеоигры. Меня они никогда не звали, и я изнывал от одиночества. В один из таких бесконечных субботних вечеров я от нечего делать смотрел по телеку бои рестлеров. В дверь позвонили. Это были Роб и Макс. У Роба не было дома телефона, и они пришли позвонить домой Макс, чтобы ему разрешили остаться у Роба на ночь. Пока в трубке шли длинные гудки, они о чем-то перешептывались и хихикали. Я смотрел на тощую шею Роба, на его огромную яйцеобразную голову и представлял, как он превратится в паука, которого я безжалостно раздавлю.

Вскоре мы переехали в другой район, и я потерял с Робом всякую связь. В следующий раз я увидел его только через десять лет.

## 2

В институте мне нравилось. Контроль мамы слабел, я целыми днями не бывал дома. В первый раз напился, в первый раз целовался с девушкой. Я весил больше ста килограммов, и ко мне прилипла безобидная кличка «Толстый», что меня вполне устраивало.

Тогда же, на первом курсе, я вновь встретил Роба. Он остался таким же тощим, только вымахал под два метра.

«От меня не воняет?» – спросил Роб. Он рассказал, что учится на ветеринара. Занятия по анатомии проходят в подвале факультета. Трупы телят хранят в чугунных ваннах, наполненных формалином. Его едкий запах впитывается в волосы даже через колпаки, которые их заставляют надевать. Там всегда хочется блевать, особенно когда приходится с напарником вытаскивать телят за копыта из ванны и тащить в класс на оцинкованный стол.

«Формалин замедляет разложение тканей, – пояснил Роб. – Но запах отвратный, травануться проще простого. Правда, нам об этом не говорят. И работать надо в резиновых перчатках. Иначе некроз гарантирован. Кожа просто сжигается».

«У меня на юридическом таких проблем нет», – со смешком перебил я его. Слушать о разложении и других прелестях анатомички у меня не было ни малейшего желания.

Роб скривился, когда услышал, что я учусь на юриста, скомкал разговор и слинял. После этого мы с ним не общались. Только здоровались издалека, если пересекались в коридорах института. Ни о какой дружбе не было и речи.

Я жил бесшабашной жизнью среднестатистического студента. Регулярно напивался, спал на лекциях и старался не думать о будущем. Так продолжалось до одной вечеринки на предпоследнем курсе.

Дело было зимой, мороз перевалил за двадцать градусов. Для нашего промозглого города с постоянными сильными ветрами это сущий ад. Я стоял босиком на балконе, по колено в снегу и спорил с каким-то панком о Моцарте. Он пытался мне доказать, что на самом деле его убили масоны. Пальцев на ногах я не чувствовал, но после пяти банок пива мне уже было на все наплевать.

Речь панка оборвал звон разбитого стекла. Что-то вылетело из квартиры через застекленную дверь. Наступая на осколки, я заскочил внутрь.

Все орали, перебивали друг друга, хозяйка квартиры плакала, в туалете кто-то блевал. Я только понял, что Роб швырнул бутылку водки и ушел, не сказав ни слова. Все разом загалдели, что у него поехала крыша. Что он неудачник и чмо. Что его отчислили, и поэтому он бесится.

Правдой оказалось только последнее. Остальное было полной лажей. У Роба уже тогда был План, и, как покажет будущее, этот План способен разрушить привычный мир.

Я хорошо помню тот вечер еще по одной причине. Тогда я узнал, что Рита ждет от меня ребенка. Такой кошмар лез мне в голову лет с шестнадцати, особенно мучительное для меня время. Прыщавый увалень не вызывал у сверстниц никакой симпатии.

Итак, я лишился девственности и стал папой одновременно.

С Ритой мы вместе учились, но я плохо ее знал. Она никогда не бывала в нашей шумной компании, не пропускала лекции и старалась отвечать на каждом семинаре. Только раз она сделали исключение. Мы уже проучились четыре года, и ее уговорили отметить сдачу зимней сессии вместе со всеми, тем более что она сдала ее на отлично. В тот вечер она выпила лишнего, и, поскольку квартиру ей снимали недалеко от моего дома, мне пришлось ее провожать. Целоваться мы начали еще в лифте и продолжили в ее квартире, где пахло корицей.

Я давно мучительно думал о своей девственности. Это был последний рубеж, который меня отделял от остальных нормальных людей. Мне было уже двадцати три, и оставаться в таком возрасте мальчиком казалось мне патологией. Но в тот вечер я и не думал, что зай-

дет дальше поцелуев. Но когда Рита хрипло прошептала: «Я еще девочка...» – отступить было поздно. Поступи я иначе, уже завтра весь курс бы знал, что я не смог. Меня не остановило отсутствие презервативов. Никому из нас первый неловкий секс не понравился. На следующее утро голова раскалывалась с похмелья. Мы делали вид, что ничего не произошло, и общались так же мало, как и раньше.

Я себя отчаянно успокаивал, девственница не может забеременеть, не может. Прикидывал вероятность этого события. Она стремилась к нулю. И вот я лишился девственности и стал папой одновременно.

Делать аборт? И где? Или уже слишком поздно? Я прокручивал вопросы в голове, но задать их Рите не хватало смелости. Достать телефон и погуглить при ней тоже было неловко.

«Я боюсь», – сказала Рита. Больше всего на свете мне хотелось остаться одному, но Рита попросила проводить ее домой. Опять мы ехали к ней домой и опять неловко молчали. По дороге я все-таки незаметно погуглил. Поиск вывалил кучу сайтов про беременность. Меня мутило от одного вида картинок, где оплодотворенная клетка постепенно превращается в младенца, я ткнул в первую попавшуюся ссылку.

До пятой недели нельзя быть уверенным, наступила беременность или нет. Тест может и ошибиться. Шевельнулась слабая надежда, что Рита просто запаниковала, и сигнал о беременности был ложным. Может, вторая полоска была еле видна?

Если это не так, зародыш уже весил три с половиной грамма. Я покосился на живот Риты. Она сидела и безучастно смотрела в окно, а между тем в ней вовсю работала заложенная программа, выполнение которой уже расписано по неделям.

Дома Рита сделала тест еще один раз. Я ее об этом не просил, но она решила, что я лично должен засвидетельствовать результат. Две четкие полоски. Я незаметно уединился и погуглил инфу про аборт. У нас в запасе было месяца два, не больше.

Решение откладывалось, и от сердца немного отлегло. В тот вечер мы занялись сексом второй раз. Терять было нечего, и на этот раз мы оба получили удовольствие.

Целый месяц мы трахались и ничего не решали. Нужно было делать УЗИ, но мы ни разу даже не поговорили о том, что будет дальше.

### 3

Однажды вечером я возвращался от Риты домой. Пока я не приходил, мама не ложилась спать. Где бы я ни был, как бы ни был пьян, я всегда ночевал дома. Если я не отвечал на звонки больше двух часов, маме становилось плохо с сердцем. Рите я никак не объяснял, почему никогда не остаюсь у нее.

Было без пяти минут два, хотя я обещал прийти не позже двенадцати. Я трусцой подбежал к дому и заскочил в подъезд. Было темно, в этом не было ничего странного, лампочки постоянно кто-то выкручивал. Я бежал по лестнице, когда в кармане зазвонил мобильник, но ответить на звонок я не успел. Кто-то повис на моих руках, к носу прижали что-то мокрое, и я потерял сознание от резкого запаха.

Очнулся в темной комнате на полу. Все тело ломило, голова раскалывалась от боли. Через окно сквозь прутья решетки тускло светила луна. Я с трудом встал и попытался найти дверь. Двери не было. Меня вырвало. Рита приготовила на ужин тушеную картошку с курицей. От запаха полупереваренной еды меня стошнило еще раз. Я подполз к окну и в бредовом состоянии просидел там до самого утра.

Когда рассвело, я увидел, что дверь в комнате все-таки есть. Массивная, оцинкованная дверь с глазком. Плотно пригнанная к стене, без ручки и замка. Видимо, она запиралась снаружи на засов. Возле двери стояло ведро. В ведре была морковь.

Я не знал, где я, кто меня похитил и зачем мне оставили полное ведро морковки. Слишком жутко, чтобы походило на розыгрыш. Слишком странно, чтобы было правдой. Я не орал, не разбивал в кровь кулаки об дверь. И совсем не потому, что взял себя в руки или приготовился умирать.

У человека за большинство реакций отвечает мозг рептилии. Он дремлет и в случае опасности мгновенно принимает решение – нападать или бежать. У меня была еда, я сидел в теплом сухом помещении, и моей рептилии ничего не угрожало.

Прошла неделя, я отмечал дни, складывая под окном кусочки морковки. Я хладнокровно подсчитывал, насколько ее хватит. Сильно хотелось пить. Первые дни я дико переживал, как плохо сейчас моей маме, как она переживает из-за того, что я пропал. На второй неделе жалость сменилась завистью – она в любой момент может открыть кран и попить.

Через десять дней морковь кончилась, как я ее ни экономил. Я лежал в позе эмбриона и думал о своем будущем ребенке. У Риты шла одиннадцатая неделя беременности. В голове вдруг щелкнуло – на этом сроке у ребенка появляется обоняние.

Ночью, когда я лежал в отключке, в ведре появилась вода. Я не слышал, как открывалась дверь. Словно вода просто материализовалась из воздуха. Я пил и чувствовал животную радость. Меня переполняла благодарность к своим похитителям. Они не оставили меня, они заботятся обо мне. Пусть извращенным способом, но заботятся.

Воду нужно было экономить. Пять глотков на рассвете и пять, когда стемнеет. Мир исчез. Даже во сне я больше не покидал свою ореховую скорлупку. Когда появилась вода, я стал мучиться бессонницей. Хотя раньше постоянно отрубался. Я пялился на ведро с водой и вел бесконечные подсчеты, насколько мне ее хватит.

Через пятнадцать дней я сорвался. Когда стемнело, я, как обычно, хотел сделать пять глотков, но не смог остановиться. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Минус день. Минус два дня. Три. Четыре. Пять. Вода кончилась. Ее оставалось на пять дней. Мне стало душно. Я с трудом поднялся и поковылял к окну. Нужно было несколько глотков свежего воздуха. В животе плескалось. Я не сделал и пары шагов, как меня вырвало. Я успел подползти на четвереньках к ведру, как меня вырвало второй раз. Теперь воды было дня на два. Я равнодушно делал законные пять глотков утром и пять вечером и отползал от ведра.

В книжках часто пишут, как люди, вынужденные голодать, грезят о деликатесах. Со мной такого не было. Я довольствовался тем, что было. Пил воду, смешанную с собственной блевотиной, и ничего вкуснее быть не могло. Возможно, у меня атрофировались рецепторы или сработал какой-то защитный механизм. Рептилия полностью подчинила личность, и ничего человеческого во мне не осталось. Всего за каких-то пятнадцать дней.

На шестнадцатый день дверь камеры открылась, и кто-то швырнул внутрь мешок. Я проснулся, потому что мешок попал прямо в меня. Из него рассыпалось что-то круглое. Яблоки. Целая куча пахучих яблок. Красные, с червоточинкой. Их запах заполнил все пространство камеры, перебивая даже запах дерьма.

Сначала я ел их целиком, с косточками и червяками. Червяков даже выковыривал и ел отдельно. Появилось хоть какое-то развлекалово, которое, впрочем, быстро осточертело, и я стал швырять огрызки в окно. Часто огрызки попадали в прутья решетки и отскакивали назад. Тогда я придумал игру. Нагрызал целую кучу огрызков и устраивал соревнование между собой из настоящего и будущего. Номер один и номер два. Я из будущего всегда побеждал.

На меня накатило равнодушие. Плевать, сколько яблок осталось и когда они закончатся, и пару дней я обжирался. И тут случилась странная штука. Организм перестал сопротивляться и больше не требовал ничего лишнего. Я ел ровно столько, сколько нужно для поддержания жизни. Два яблока в день. Рептилия перестала мной управлять, ей больше не подчинялось мое тело.

Через двадцать дней с рук начали слезать ногти. Они слезали, как слезает подсохшая корочка с поджившей болячки. Паники не было, страха тоже. Я чувствовал свое усохшее тело как кокон, из которого мне предстоит выбраться. Кожа шелушилась и отваливалась небольшими кусочками, как перхоть. Волосы на голове были как солома. Кружилась голова, но спал я теперь мало. Слух обострился, по ночам я слышал, как кто-то подходит к двери и стоит возле нее. Или это были глюки. Больше я не вставал. Все время лежал возле двери рядом с полупустым мешком яблок и пялился в окошко. Теперь я считал дни, откладывая каждый день по яблочному семечку.

Прошло еще десять дней. В голове шевелились чужие равнодушные мысли. Рита уже сделала аборт. Или решила оставить ребенка. Мама сошла с ума. Или выбросилась из окна. Ко мне это не имело никакого отношения. Я ем яблоки и хожу под себя. Отползать для этого в дальний угол камеры нет ни сил, ни желания. На тридцать второй день дверь открылась. В глазах двоилось, я с трудом сфокусировал взгляд на двух высоких силуэтах. Меня взяли под руки и вынесли наружу.

## 4

В соседней комнате меня бережно опустили на стул, сунули стакан воды. Это был Роб. Лицо второго мне показалось знакомым, но я никак не мог его вспомнить.

– Попей и прими душ. Одежду найдешь в душевой, – сказал Роб.

Я спросил, зачем меня похитили. С непривычки выговаривать слова было тяжело и неприятно. Роб улыбнулся.

– Сегодня никаких вопросов. Макс, покажи, где здесь душевая.

Макс. Как я не понял сразу, что это он. Стал таким же худющим, как и Роб. Наверное, из-за этого я его не узнал. В детстве Макс был пухлым очкариком.

Я с трудом поднялся со стула и пошатнулся. Роб поддержал меня за плечо.

– Ничего сегодня не ешь. Это может тебя убить, – сказал он мне и тихо добавил: – Я тебя жду.

Будто хотел, чтобы Макс его не услышал. Будто это очень важно.

Я шел за Максом по обшарпанному коридору и держался за стенку, чтобы не упасть.

– Выход здесь, – кивнул Макс на железную дверь. – Пройдешь прямо минут десять и выйдешь на трассу.

Я спросил, где мы находимся.

– Бывшая скотобойня. Тебе сюда, – Макс толкнул деревянную дверь в конце коридора.

Прежде чем уйти, Макс похлопал меня по плечу и сказал:

– Ты держался молодцом. Но подумай хорошо, прежде чем возвращаться.

Со мной играли в какую-то игру. И участливое отношение Роба, его доверительность больше не казались мне искренними.

Я вошел в раздевалку. На грубо сколоченной скамейке лежали джинсы и майка. В углу висело зеркало. Я снял вонючее тряпье и посмотрел на свое отражение. В зеркале отражался скелет марионетки с суставами-шарнирами и огромными глазами на незнакомой маске. Раньше я был огромной бесформенной глыбой жира, с которой теперь искусный скульптор убрал все лишнее.

Душевая была огромной, перегородки делили ее на множество секций. Стены были выложены белым кафелем. Кое-где плитка отвалилась и обнажила серую штукатурку. Я стоял под струей ледяной воды и привыкал к своему новому телу. Чувство, что мою голову пришили к чужому туловищу, стекало вместе с грязной водой в дырку под ногами.

Мне повезло, на шоссе я тормознул первый же грузовик. Домой дополз только к обеду. Дверь мне открыла Рита. Она была в моей любимой майке с бандитской рожей Хайзенберга. Сначала она меня не узнала, потом бросилась на шею, едва не сбив с ног. Мама была на работе. Рита позвонила ей в библиотеку, и через полчаса она уже причитала и плакала, повиснув на любимом сыночке. Я ничего не сказал, где был. Наплел, что очнулся на шоссе и ничего не помню.

Мама меня без конца трогала, не веря, что скелет перед ней и есть ее сын. Тут же заметила, что у меня нет ногтей. Я чувствовал себя вещью, которую придирчиво осматривают после того, как она побывала в чужом пользовании.

– У нас будет внук, – сказала мама и улыбнулась Рите.

Я хотел спросить – у кого это у вас, но сдержался. С недовольством отметил, что внешне мама ничуть не изменилась. Ни постарела на десять лет, ни стала полностью седой, ничего такого. Будущий внук стал для нее отличным утешением.

Мама хотела отвезти меня в больницу, но я отказался. Сил у меня было мало, и я отключился, как только добрался до кровати. Но ненадолго. Меня разбудил запах жареной курицы.

Мама решила отпраздновать мое возвращение. В детстве она мне всегда ее готовила на день рождения.

Я вдыхал запах горелой куриной кожи, смазанной чесноком и майонезом, и стал задыхаться. Я открыл окно, но этот запах перебивал свежий воздух. Меня вырвало прямо на подоконник. Мне стало страшно. Внутри была пустота. Это ощущение шло из желудка. Он не хотел мяса. И еще одно неприятное открытие. Я не был рад возвращению. Взаперти я принадлежал только себе, и никто на меня не претендовал. Там были только я и мое тело.

Я пытался себя убедить, что во всем виновато длительное голодание, что кусочек жареной курицы пойдет мне только на пользу. Но желудок обещал, что не примет мяса. Я попытался унять дрожь и незаметно проскользнул в ванную за тряпкой, чтобы убрать за собой.

Мама не давала мне снова заснуть и заглядывала в комнату каждые десять минут. Я сделал над собой усилие и вышел к праздничному столу. Тут меня ждали очередные новости. Мама устроила Риту к себе в библиотеку. Хитрый ход конем, чтобы уйти в декрет, не проработав и полгода. В университете Рита взяла академический отпуск.

Все было решено без меня. Благополучное оптимальное решение. Две женщины против всего мира ради одного ребенка. Идиллия, которую я немного подпортил своим возвращением. Я наблюдал, как план на ходу перекраивается. Меня включили в семью и отвели в ней свое место. Окончить университет. Выйти на работу. Приносить в дом деньги.

Мама вытащила из духовки запеченную курицу с картофелем. Отломил две ножки и положила на мою тарелку. Я сказал, что не буду, и отодвинул тарелку.

– Я тебя не узнаю, – со стоном сказала мама. – Что они с тобой сделали?

Вдруг я вспомнил случай из детства, как в первом классе мама меня кормила геркулесовой кашей. Последние несколько ложек я так и не смог проглотить и весь день ходил с полным ртом каши. Выплюнуть я ее смог только дома, когда разрешила мама. Этот случай она рассказывала всем знакомым с большим умилением. Я расхохотался и встал из-за стола. Рита и мама смотрели на меня как на помешанного. Давясь от смеха, я пошел спать.

Итак, в двадцать два года я в первый раз в жизни принял осознанное решение. Отказался есть жареную курицу.

На следующий день я отправился на скотобойню. Дверь была закрыта, на стук никто не отозвался. Не знаю, как давно скотобойню забросили, но, кроме нескольких выбитых стекол, никаких следов запустения не было. Только металлический забор, сужающийся к огромным воротам, был частично разрушен. С северной стороны здания я разглядел через большое окно просторный зал с крюками, подвешенными под потолком. Здесь же была лестница, которая вела в подвал. На двери висел замок.

Примерно через час к скотобойне подъехал подержанный красный «Рено». Это был Макс. Он крепко пожал мне руку и, открыв в дверь, повел к Робу. Как я узнал позже, он здесь жил.

Когда мы вошли, Роб отжимался от пола. На нас ноль внимания. В комнате стоял разложенный диван, на журнальном столике лежали стопкой книги. Что-то по психологии и ветеринарии. Наконец он закончил отжиматься и поднялся. Я поинтересовался, какого черта он мне не открыл сразу, но Роб ничего не ответил. Сказал только, что рад меня видеть и хочет мне все здесь показать.

Мы прошли мимо комнаты, где меня держали. Она была рядом с комнатой Робба. Странно, но я ни разу не почувствовал его присутствие рядом. Мы вышли наружу.

Роб начал с того полуразрушенного металлического загона, который я видел раньше. Сюда привозили и держали бычков, прежде чем вести на забой. Из этого загона по сужающемуся коридору мог пройти только один бычок. Первым делом его оглушали. Из пневматического пистолета или острой палкой, которой протыкают ухо и дают мощный разряд. Или просто ударом большого молотка в лоб. Еще живого его подвешивают на крюк и тянут на этом

крюке из одного помещения в другое. Мы шли, ориентируясь по стальной жиле со ржавыми крюками. В следующем зале бычку перерезают яремную вену, и из него вытекает вся кровь. Под ногами хрустела разбитая кафельная плитка, по которой когда-то струилась кровь. Бычка избавляют от внутренностей, моют, пилят, прежде чем он, разделенный пополам, повиснет рядом с такими же половинками говядины, которые окажутся у вас в морозильных камерах.

Мы зашли в помещение с крюками, в которое я заглядывал снаружи.

«Занимательная лекция», – хотел было я сказать, но промолчал. Ирония здесь была неуместна. Любые слова были неуместны.

– Мы хотим все изменить, ты с нами? – наконец спросил Роб.

Я посмотрел на Макса, он в первый раз мне улыбнулся. Я не знал, в чем заключается их План и есть ли он вообще. Но я был им нужен. Мне предлагали дружбу, участие в чем-то безумном.

Так за неделю до моего двадцать третьего дня рождения зародилось наше Движение.

## 5

Возможно, вам тяжело представить Роба неуверенным в себе задротом. Такой портрет не соответствует героическому образу человека, бросившего вызов обществу. По легенде, он жил на скотобойне, куда сбежал из детдома. Как вы уже поняли, это полная чушь. Вам известно, что Роб всегда стоял во главе Движения один. Что у него не было друзей, только сторонники. Это было оговорено нами с самого начала. Мне нравилось представлять себя таким серым кардиналом, но окончательное решение всегда принимал Роб. Это он придумал План. Наши предложения были лишь штрихами к нему.

Фанатизм и непреклонность Роба проявились сразу, в первом же деле. Движение «Зеленый дол», каким знаете его вы и платное членство в котором сейчас считается само собой разумеющимся, придумывалось нами троими. Название придумал Макс, вернее, взял его из какой-то любимой книжки. Первый логотип – оранжевый кленовый лист – придумал я. Дизайн первых листовок дался нам нелегко. Роб критиковал все варианты. Ему понравился только предложенный Максом слоган, которых красовался на наших первых эмблемах: «Приди в Зеленый дол».

Когда я предложил создать сообщество в «Контакте», Роб наградил меня презрительным взглядом.

– Мы не должны быть как все. Никакого «фейсбука», «контакта», понял? О нас нельзя будет узнать по одному клику, – сказал он при этом.

Сейчас первые листовки собирают коллекционеры, готовые отдать за них баснословные суммы. Первую партию, ныне самую редкую, мы отпечатали дома у Макса на принтере. Получилось ужасно, но их охотно разбирали. Мы раздавали листовки около больниц и фитнес-центров. Это были приглашения на семинары по правильному питанию.

Пока мы занимались распространением листовок, Роб переделывал камеру, в которой меня держали. Выломал решетки на окне и заложил его кирпичами. Стены выкрасил в зеленый цвет. На одной из стен вывел огромную надпись черными буквами: «МЯСО». В чем смысл, он не рассказывал.

Я впервые начал испытывать приливы беспричинной радости. Организм полностью избавился от копившихся годами шлаков. Иногда кружилась голова, но я не обращал на это внимания. Выросли новые ногти, худоба перестала казаться болезненной. Я вставал в шесть утра и чувствовал необычайный прилив сил. Это казалось чудом, потому что в день я съедал всего один банан и пару яблок.

Тогда я понял, в чем была моя главная проблема, пока я не встретил Роба. Мы перестали чувствовать свое тело. Мы не знаем, когда ему хорошо, а когда плохо. А когда узнаем, то бывает уже слишком поздно, и мы умираем. Мы научились первыми, как вернуть себе свое тело.

Эксперимент надо мной сыграл огромную роль. Роб с Максом давно за мной следили. Я был воплощением того, с чем нужно бороться. Я был первым в их списке, потому что наша дружба что-то для Роба все-таки значила.

После долгих споров они решились на похищение. Я оправдал ожидания Роба, чего нельзя сказать о маме. Перемены во мне ей совсем не нравились. Один только мой внешний вид выводил ее из душевного равновесия. Если бы не Рита со своей беременностью, не миновать мне психушки. Дома я появлялся все реже и частенько ночевал на скотобойне. Маме было достаточно того, что я всегда отвечаю на звонки. Что происходит с Ритой, мне судить сложно – что тогда, что сейчас. Желания сблизиться мы не испытывали, и повода для этого не возникало.

Первый семинар прошел не ахти. Но первые семинары по-другому и не проходят. Роб их называл селекциями. Он вещал про пользу растительной пищи и болезни, вызываемые питанием мясом. Мы с Максом сидели среди зрителей и внимательно наблюдали за их реакцией на слова Роба. Всего на несколько слов. Кровь, убийство, страдание. Мы знали каждое слово

из выступления Роба наизусть. Он забрасывал слушателей фактами, которые больше напоминали обвинения.

На производство одного килограмма говядины нужно в тысячу раз больше воды, чем на выращивание килограмма пшеницы. «Производство говядины, – с издевкой говорил Роб, – звучит абстрактно, будто за этими словами не стоит боль. Целый океан невыразимой боли». Глаза слушателей стекленели. Это были наши сторонники, хотя они еще об этом не знали. Те, кто пожегивался, ерзал на стуле, скрещивал руки, пытался отгородиться от услышанных слов, нами сразу отбраковывались.

В конце выступления Роб выбирал среди зрителей одного человека и приглашал его на глазах у всех на «особый» семинар. Это всегда производило эффект. У нас с Максом было по пять таких же приглашений на каждого. Когда все расходились, мы раздавали их тем, кто, по нашему мнению, соответствует критериям. Не бывало, чтобы приглашенные не приходили на «особый» семинар. Мы их называли Гостями. Находились и те, кто приходил без приглашения. Такие Гости ценились даже больше. Чтобы найти место проведения «Особого» семинара, нужно постараться, мы это ценили.

После того как Роб переоборудовал мою бывшую камеру, мы поехали в город на машине. О поездке Роб предупредил меня с Максом за три дня. Мы колесили по городу, иногда Роб приказывал Максиму остановиться рядом с супермаркетом, и мы наблюдали, как люди катят к своим машинам тележки, доверху набитые едой.

Мы стояли в подземном паркинге в крайнем ряду, когда все случилось в первый раз. Роб приказал Максиму открыть багажник и вышел из машины. Он быстрым шагом подошел к лысому здоровяку, который выкладывал продукты из тележки в багажник машины. Роб подскочил к нему со спины и быстро прижал к его лицу заранее приготовленную тряпку. Через секунду тот сполз вниз. Роб жестом подозвал нас.

Мы быстро подтащили тело к машине и закинули в раскрытый багажник. Туда же полетел пакет с едой. Так было положено начало городской легенде о Зеленой комнате.

Перед тем как закинуть продукты в Зеленую комнату, мы составляли их перечень, Документировали, что закупила перед своим похищением очередная жертва, и потом делали ставки, насколько хватит их жертве. У здоровяка были две большие пачки чипсов со вкусом сметаны и лука, упаковка светлого пива (шесть банок), банка маслин, йогурт, пакет молока и сырая курица. Через шесть дней еда у него кончилась. Мы потешались, слушая вопли о пощаде. Он молотил в дверь банкой маслин и умолял его выпустить. Неделя наедине с протухшей курицей не прошла даром. На седьмой день, когда вся еда кончилась, здоровяк сидел весь день и заливался слезами.

Внизу двери Род сделал небольшое отверстие, через которое мы просовывали маленькую бутылку воды с подмешанным снотворным. Мы специально выжидали один-два дня, чтобы у жертвы не оставалось другого выбора, кроме как выпить воду.

Когда человек проводит некоторое время в зеленом помещении, а потом выходит из него, весь мир он видит в красном цвете. Роб где-то вычитал об этом эффекте и воплотил его в жизнь. После пятой жертвы по городу поползли слухи о маньяке, который запирает жертву в Зеленой комнате с купленными ею продуктами. Этого мы и добивались. Периодичность похищений мы определяли, бросая две игральные кости, то есть она всегда составляла от двух до двенадцати дней от того момента, как Зеленая комната после очередной жертвы освобождалась.

Я не испытывал к жертвам похищения ничего, кроме брезгливости. До Зеленой комнаты они тоннами поглощали еду, которая делала их своими рабами. Поглощали бездумно, медленно убивая себя канцерогенами и консервантами.

Вы видели сосиски только в книжках и навряд ли когда-нибудь их попробуете. Зато вы знаете, что аппетитный розовый цвет им придает нитрит натрия. Поистине универсаль-

ный химический продукт. Противоморозная добавка к бетону, сосудорасширяющее средство, ингибитор атмосферной коррозии. И еще убивает бактерии, угнетает деятельность клеток. И всем было на это плевать, пока не пришли мы.

Даже удивительно, что за тот первый год никто из жертв не умер.

Каких только сочетаний продуктов за это время мы не видели! Казалось, что люди сознательно подвергают себя медленной пытке, стараются сделать себе как можно хуже. Я заметил одну занятную вещь. Чем более отвратительным был набор купленных продуктов, тем больше была вероятность того, что у жертвы окажется купленной пара пачек какого-нибудь «полезного» биоюгурта. Как будто его поглощение утром чудесным образом избавит от последствий регулярного поглощения переработанной «пищи».

Если жертва любила вкусно поесть, в ее пакетах часто бывали моцарелла или пармезан. Эти сыры делаются из буйволового молока, которое во много раз жирнее любого другого. Молоко буйволов ценится, а мясо нет. Буйволят, как только у них заживет пуповина, везут на скотобойню. Или уничтожают на месте. Топят в навозе или просто морят голодом, и они умирают сами. Жизнь, не успев начаться, заканчивается смертью. Потому что буйволята – это отходы.

Даже если жертва предпочитала обычный сыр, все равно это соучастие в убийстве. Чтобы получать сыр в промышленных масштабах, при его производстве используют сычужный фермент, который выделяют из желудков убитых новорожденных телят.

В Зеленой комнате людям приходилось осознанно есть еду, которая дома была бы проглочена между делом, перед телевизором или монитором.

Однажды Роб обнаружил перед дверью что-то длинное и блестящее. Вонь в коридоре стояла несусветная. Свет в коридоре был тусклый, и мы сразу не поняли, что это длиннющая шея индюшки. На вид она напоминала хребет Чужого. Жертва не выдержала запаха гнили и выпихнула шею наружу через дырку для воды. Под вой жертвы Роб засунул шею обратно и прикрутил к дырке кусок картона. Этот случай произошел ближе к концу года с начала нашей Акции. Возможно, именно он подтолкнул Роба к более жестоким Акциям, которыми прославился «Зеленый дол».

Об этой затее не знал никто, кроме нас троих. В «Зеленом доле» мы не привлекали к ней даже самых надежных соратников. Ровно через год мы прекратили похищать людей и закрашили комнату черной краской.

Удивительно, но люди продолжали пропадать. Их по-прежнему сажали в Зеленую комнату, где они по-прежнему ели купленные ими продукты. Кем были наши последователи, мы не знаем. В «Зеленом доле» был строгий запрет на любые действия, не согласованные лично с Робом.

## 6

Оглядываясь назад, я не устаю поражаться, насколько универсальную идеологию удалось создать Робу. Роб дал нам цель и средства борьбы. И никто не был готов бороться за свою прежнюю жизнь. У нас были идеалы, у остального мира – нет.

Одна мысль мне никак не дает покоя. У Роба не было счастливого детства. Он был типичным маменькиным сынком, закомплексованным ботаном. Ему была уготована заезженная колея. Неинтересная работа, стервозная жена. Пара детишек, на которых он не имеет никакого влияния. Но этого не произошло. Он вырвался из круга, освободился не только сам, но и дал свободу всем нам. Почему это произошло? Случайность?

А кто-то другой вырос в нормальной семье, имел нормальное детство и остался пустышкой. Повторил в миллионный раз обычную жизнь, не став лучше и не сделав лучше других.

Роб никогда не говорил о своем детстве. Макс и я были его молчаливыми свидетелями. Потому что прекрасно его понимали. Мамочка Макса водила его в школу до девятого класса. Потом он отвоевал право ходить в школу один. Но мама, думая, что он ее не видит, все равно провожала его в школу, как настоящий сыщик, следя за ним из-за угла. Я уже учился в институте, когда мама закрыла меня в комнате, чтобы я не пошел на день рождения однокурсника, потому что боялась, как бы там не случилось чего-нибудь плохого с ее дорогим сыночком. В таком признаваться стыдно. У Роба наверняка были похожие случаи, и мы ничего о них знать не хотели, хватало своего дерьма.

Вернемся к «Зеленому долу». На «особом» семинаре Род всегда рассказывал историю о том, почему он бросил учиться на ветеринара.

Это произошло после практического занятия по физиологии, на котором изучалось действие химического реагента на сокращение мышц. Эксперимент ставится на лягушке. Большими ножницами живой лягушке отрезают верхнюю челюсть с глазами. Когда ножницы переламывают челюстные косточки, лягушка пищит. Обнажается позвоночник. Потом засовывают в спинномозговой канал спицу и несколько раз проворачивают, чтобы лягушку парализовало. С обезглавленной тушки снимают кожу, как чулок, и отделяют лапку от туловища. Вешают ее на штатив. Кладут на нее бумажку с реактивом. Мышцы сокращаются, лапка дергается. Бессмысленная смерть. Бессмысленный эксперимент.

Одну лягушку в качестве примера препарировал преподаватель. Вторую – Роб. Лапка дергалась, подвешенная за крючок на штативе. Роб думал, почему нельзя снять одно видео и показывать его из года в год на всех ветеринарных факультетах? Почему никто не возмутился бессмысленностью этого убийства? Почему он сам взял ножницы и отрезал лягушке челюсть с глазами?

Роб молча вышел из аудитории и больше не вернулся.

– Если вы здесь, у вас тоже есть причина ненавидеть то, как все устроено. Даже если вы этого еще не понимаете. Добро пожаловать, – говорил всегда Роб в конце. После этих слов многие уходили. Уходили те, кто пришел за откровением, а не за борьбой. Уходили те, кто искал утешение и пустые обещания. Уходили пугливые, потому что «Зеленый дол» мог оказаться сектой.

Оставшимся Роб говорил:

– Они думают, такой порядок навечно. Что от них ничего не зависит. Знаете, мы лучше. Мы решили измениться сами. А их мы заставим. Мы и те, кто идут за нами.

Роб никогда не искал популярности. Его речи не были зажигательными, они не вгоняли в экстаз. Мы не были толпой, управляемой лидером. Мы были Движением. Вместе мы были больше, чем каждый по отдельности. Роб вообще не любил говорить, он предпочитал дей-

ствовать. Так родилась идея Акции – поступка, направленного против несовершенства мироустройства.

Сейчас бытует несколько версий насчет того, сколько изначально участников было в «Зеленом доле», и разброс очень большой – от десяти до тысячи человек. Мне от передергивания фактов нет никакой выгоды, поэтому я скажу правду.

В «Зеленом доле» был пятьдесят один человек. Роб придерживался теории, что в Движении должно быть столько контактов, чтобы не страдала личная коммуникация. Чтобы все друг друга знали. При полном отсутствии иерархии это позволяло нам спокойно вынашивать идеи, делиться ими. Был Роб – первый среди равных, и никто не покушался на его место. Мы с Максом никак не выделялись из общей массы. Быстро забылось, что мы с ним были рядом с Робом с самого начала, что это мы раздавали приглашения на «особые» семинары. Случай играл особую роль в мировоззрении Роба, об этом я расскажу позже.

При всем уважении к Робу, даже тогда я считал, что он умрет девственником. Хотя зажатости в нем больше не было, держался он со всеми отстраненно. Невозможно было представить кого-то рядом с ним. Кого-то кто сможет ему соответствовать. Не помню точно, когда в «Зеленом доле» появилась Алиса. В тот момент приглашения на семинары раздавали уже другие участники, как обычно, выбранные Робом случайно.

На первый взгляд, они совсем не подходили друг другу. Алиса была порывистой и раскрепощенной. Могла разговорить любого незнакомца за пять минут. Не уверен, что она хранила верность Робу, но для Роба она была первой и единственной. Наверное, даже поцеловался в первый раз в жизни он с Алисой.

Глядя на них с Робом, я испытывал зависть. О такой девушке мечтает каждый. Она полностью разделяла убеждения Роба и во всем его поддерживала. Всегда была рядом, невзначай показывая, что принадлежит только ему. Ненароком присаживалась к нему на колени, непридуманно вступала в разговор. Могла пошутить так, что все смеялись. В такие моменты особенно бросалось в глаза, как Роб ей гордится. А мне только и оставалось, что вспоминать Риту, которая ждала меня дома.

Шел восьмой месяц беременности, и ее ничего в жизни не волновало, кроме того, как побольше запихнуть в себя разной дряни. Она съедала по пять пачек мороженого за раз и просила еще. В квартире постоянно стоял резкий запах тухлой рыбы. Рита постоянно варила креветки и поглощала их в огромном количестве. Мама целыми днями моталась по магазинам, выискивая продукты со скидками, чтобы закупить всего побольше и удовлетворить волчий аппетит Риты. Она таскала неподъемные сумки, но я не мог ей помочь. Одно из правил «Зеленого дола» запрещало мне ходить в продуктовые магазины и тем более в супермаркеты.

Мы поклялись не заходить туда, пока там продают продукты животного происхождения. Тогда нас было мало, и никому это проблем не доставляло. Нас просто не замечали. Мы закупались в небольших овощных лавочках, которыми заправляли азиатские диаспоры.

Я совсем забыл упомянуть один важный момент насчет членства в «Зеленом доле». Он объясняет, почему всем нам за редким исключением было не больше тридцати лет. Вступающий в наши ряды был обязан уволиться с работы или бросить учебу. Школьники никогда не получали приглашений на «особый» семинар. Я сначала думал, что это связано с тем, что они не могут в полной мере нести за себя ответственность, и поэтому мы их не используем. Но причины были иными. Запрет играл на чувствах подростка. Не принимая их в свои ряды, мы возвышались в их глазах. И со временем «Зеленый дол» приобрел культовый статус.

– А как же семья? – спрашивали Роба. – Неужели у них нет шанса спастись?

– Не будет никакого спасения, только борьба, – отвечал он и улыбался.

Те, у кого были дети, автоматически отпадали. Слишком много обязательств, чтобы действовать без оглядки. Слишком много связей с традиционным укладом жизни, чтобы решиться

их разорвать. Из первого состава Движения ребенок был только у меня, и то Рик родился, когда Движение просуществовало чуть меньше года.

Мы знали, что мы первые, и тащились от осознания этого факта. Первый год был посвящен экспериментам над собой, и это было чертовски весело. Мы были молоды, безрассудны, и нам было на все плевать.

Что будет, если целую неделю пить одну воду? Или питаться помидорами в темной комнате под фуги Баха? Или сутки съесть по дольке апельсина каждый час без перерыва на сон? Собственное тело, растительная пища и время – эти ингредиенты изменяли наше сознание покруче любого наркотика. Мы ставили над собой эксперименты, а потом собирались и рассказывали о полученном опыте.

Постепенно мы привыкали к мысли, что наше тело – это и инструмент, и средство, а еда – энергия. Мы привыкали к лишениям и страданиям, но еще не знали об этом. Мы готовились к борьбе, но относились к своей жизни как к игре. Мы испытывали свое тело на прочность, и этим закаляли свой дух. Человек на протяжении последних полутора миллионов лет питался мясом, а мы требовали от себя перестроиться уже сейчас. У нас не было желания ждать.

Роб переживал то же самое. Но он знал, какой будет следующая ступень Движения. Охватывая всю историю «Зеленого дола», я поражаюсь, неужели Роб с самого начала знал, чем все закончится? Или это была счастливая случайность, и он вел нас вперед с закрытыми глазами?

Был среди нас один парень, бывший программист. Он написал для Роба простенькую программу, которая в произвольном порядке выдавала числа от одного до пятидесяти. На одном из собраний каждый из нас получил персональный номер. Роб объявил, что нужно сделать татуировки со своим номером с тыльной стороны запястья. Сделать это нужно только собственноручно.

На Ютубе множество роликов, как сделать татуировку в домашних условиях. Лично я собрал тату-машинку из моторчика от игрушечного автомобиля и гелевой ручки.

Мне выпал двенадцатый номер, Робу – тридцать третий. Первый номер не присваивался никому. Мне такое решение понравилось. Отсутствие первого номера лишний раз подчеркивало, что порядковый номер не дает владельцу никакого преимущества и ничего не говорит о его статусе. Уже через неделю мы обращались друг к другу исключительно по номерам. Наши имена потеряли свое значение. Я точно помню, что на этот счет Роб не давал никаких указаний, это произошло само собой.

## 7

Конечно, вы знаете, каково это – несколько дней подряд пить одну воду. Сейчас это обычная практика очищения – отказываться от любой пищи на несколько дней. Но когда-то это считалось вредным и даже опасным. Люди верили, что через какое-то время организм начинает пожирать сам себя, и человек умирает.

Однажды Двадцать вторая ничего не ела два месяца. По науке, за это время она должна была израсходовать весь запас минералов и витаминов и готовиться к смерти. Однако Двадцать вторая вела в это время активный образ жизни. Ее тело и так привыкло к постоянному дефициту калорий, и отсутствие еды не было для него стрессом.

Подобные эксперименты над собой у нас приветствовались, но вовсе не были обязательны. Например, Макс никогда не принимал в них участие, и никого это не напрягало. Макс был склонен к эксцентричности, многим девушкам это нравилось. Рост у него был маленький, а с присущей сторонникам Движения чрезвычайной худобой выглядел он карикатурно. В те времена критерии красоты были иными, и потребовалось немало времени, чтобы худоба перестала считаться признаком неблагополучия и недуга. У Макса была близость с тремя девушками, причем в одно время, и их это устраивало.

Даже с татуировкой он отличился. Ему выпал второй номер. По факту он и был вторым номером, когда Движение только задумывалось, так что случай был на его стороне. У большинства наших сторонников татуировки вышли довольно корявыми. Какой еще может выйти татуировка, если она сделана кривыми руками, да еще в первый раз?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.